

Секреты
женского счастья

ПРОЗА

Веры Колочковой

В Е Р А
Каганова

Слеза Шамаханской
царицы

Р О М А Н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *C. Власова*

Колочкова, Вера.
К61   Слеза Шамаханской царицы : роман / Вера
Колочкова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096287-7

Самая страшная женщина — та, из-за любви которой соперничают родные люди. Увидев ее впервые, Лиза и представить не могла, что эта простенькая девушка может отнять у нее и мужа, и сына.

Но что скрывает сама новоявленная Шамаханская царица?

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Колочкова В., 2018
ISBN 978-5-04-096287-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Терпеливо делает гусеница
свое дело — и превращается в
бабочку с дивными крыльями.

Иван Ильин

Особенный день — тридцать первое декабря. Не хлопотный вечер, не пьяная танцующая ночь, а именно — день. Как она любила его всегда! За утреннюю торжественность предвкушения, за полотенце на вымытой голове, за телефонные звонки, из череды которых вдруг выплывет забытый голос давнего знакомого, решившего напомнить о себе ни с того ни с сего...

Вообще все казалось необычным в этот день, более выпуклым, приобретало особую окраску. Даже цвета ингредиентов для салата, сыплющихся с разделочной доски, — мелкая крошка яичного желтка, зеленые кубики авокадо, розоватая маслянистость кусочков соленой семги... Вроде продукты и продукты, праздничная еда. Смешаются с заправкой, составят салатную композицию, которая будет красоваться на столе между бутылкой шампанского и заливной рыбой. И никому не будет интересен сам процесс — тот, дневной, кухонный, самый счастливый... Да еще и про-

исходящий под аккомпанемент привычной новогодней теленетленки — а как же без нее-то? — «...никого не будет в доме, кроме сумерек, один длинный день в сквозном проеме...». Вот интересно, мог ли Борис Пастернак, когда писал эти строчки, хоть на минуту предположить, что они станут на долгие годы гимном многих женщин, готовящих угощение к новогоднему столу?

И даже если не увлекающихся этим приятным делом, а просто дефилирующих по квартире от платяного шкафа к зеркалу? Вот как она, например, Лиза Вершинина, именно так в этот момент лениво дефилирующая и себе под нос их напевающая. Ей сегодня как раз новогодний стол накрывать не надо — так уж получилось, что пьяная танцующая ночь предполагается в кафе, куда им с Владом надо прибыть к десяти часам. Хотя было бы приятнее дома отметить, конечно... Все-таки семейный праздник. Друзей бы позвали, маму... Но ничего не поделаешь, нужно уважить традицию — уже третий год весь их дружный рабочий коллектив отмечает Новый год разухабистой вече-ринкой в арендованном для этой святой цели кафе. И это, надо признаться, в самом деле дорогое стоит! Ну где еще найдешь такой коллектив, чтоб у всякого было желание даже и Новый год встретить, как говорит Влад, «рожа к роже»?

Впрочем, она этот прекрасный день употребила не зря — собралась с силами и навела идеальную чистоту в квартире. Спокойно, никуда не торопясь, плавно переходя из комнаты в комнату. И Сонечка ей не мешала — послушно проспала в детской положенные на дневной сон два часа. Потом, еще раз обойдя свои владения и насладившись собственным рукотворным уютом, уселась перед телевизором с чашкой чая — теленетленку досматривать, пришептывая вслед за артистом Мягковым: «С любимыми не расставайтесь, всей кровью прорастайте в них...» Ах, как хорошо сказано! Именно — всей кровью... «И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг!»

Что ж, вот и фильм кончился. И «моя Надя приехала», и телевизионная мама произнесла сакраментальную фразу: «Поживем — увидим». Пора бы уж и ее маме приехать, обещала же не опаздывать! В пробку попала, что ли? Хоть бы позвонила... И Максим не звонит, как они добрались с компанией до чьей-то там загородной дачи...

О, а вот и телефон откликнулся на ее беспокойство! Ага, Максимка-таки сподобился...

— Ну что, сынок, как вы там?

— Да все хорошо, мам, не волнуйся! Правда, в доме холод собачий, зуб на зуб не попадает, сейчас печку топить будем...

— А успеете к Новому году?

- Успеем! Машка тебе привет передает!
- Да, спасибо! И ты ей от меня привет передай! Вас много там собралось?
- Много.
- А кто такие, откуда?
- Ой, мам... Ну что ты опять контролера включаешь? Я тебе пацан, что ли? Все свои, институтские... Из моей группы, из Машкиной...
- Ну ладно, не сердись. И я тебя умоляю — не увлекайся спиртным! Ты же знаешь, твой организм совсем не приспособлен... И вообще...
- Да знаю, знаю! Не боись, мам! Я по другой генетической ветке карабкаюсь, мы это с тобой не раз уже обсуждали! Тоже, нашла время...
- Да, конечно. Прости, сынок...
- Ну все, мам, пока!
- Пока... Но я ночью еще позвоню, ладно? Нет, не в смысле проконтролировать, просто поздравить...
- Ага... Да я сам позвоню, не волнуйся!
- Нажав на кнопку отбоя, она поморщилась от недовольства — и впрямь, чего ее понесло! Ну да, страдал Максимкин родной папаша болезненной страстью к зеленому змию, ухватил-таки, бедолага, свою долю дурной наследственности. Так крепко ухватил, что ей, восемнадцатилетней соплячке, выскочившей по большой любви замуж, мало не показалось. Бежала тогда от него с трехлетним ребенком в чем была... Ну да ладно, дело прошлое. Лишь

бы из этого прошлого проклятые гены в Максимкиной природе не проклонулись, вот в чем беда! От них ведь не застрахуешься, изгородь из упреждающих душевных разговоров не соорудишь... Но, с другой стороны, и впрямь — тьфу-тьфу! — пронесло парня. Как он и сам рассуждает — по другой генетической ветке карабкается... Да и отчим — хороший для него пример в этом смысле...

Кстати, не перехвалить бы Влада с примером-то! Пора бы уж ему и появиться, любимому мужу, отцу и отчиму! Договаривались же — чтоб дома не позже трех... Нет, все-таки плохой прецедент возник после любимого новогоднего фильма — встречаться тридцать первого декабря в бане с друзьями! Песни там замечательные, а прецедент — плохой! В Питер любимый муж, отец и отчим, конечно, не улетит, но в непотребном состоянии заявиться может! Знаем, проходили...

А стрелка часов уже аккурат к трем подбирается, скоро уже и Сонечка проснется. А в доме ни Влада, ни мамы, и от Лены звонка она так и не дождалась... Впрочем, тут случай особый, тут надо самой действовать. Лена — девушка в этом смысле странно принципиальная, сама ни за что звонить не будет. То есть в ее понимании — навязываться. В свои восемнадцать взять и переехать от матери в новую семью отца — это значит не навязываться, а

позвонить, как в Киев к матери долетела, это мы гордые, это мы не можем... Что ж, ладно. С Лизиной мачехиной головы корона не свалится, сама позвонит — чуть позже. Когда уж наверняка самолет приземлится...

Нет, правда, сейчас ей с Леной легче стало, худо-бедно прижилась девочка в новой семье. А тогда, два года назад, свалилась как снег на голову, вот уж Влад растерялся так растерялся! Он же ее последние годы и не видел толком, бывшая жена не подпускала. Увезла ребенка после развода в Киев, даже адреса не оставила, только банковский счет прислала для перечисления алиментов. А тут — нате вам, здрасьте. Я ваша дочь, я буду у вас жить. То ли с матерью поссорилась, то ли новому отчиму не ко двору пришлась... Вникать же не станешь в чужие семейные страсти. Ну, приехала и приехала. Жить так жить. Принял же Влад Максимку, как родного сына, теперь, стало быть, ее очередь...

На первых порах ей с девчонкой совсем трудно было. Характерец тот еще оказался, колючий, неуживчивый. Это уж потом она поняла, что вовсе не в характере тут дело, а в болезненном подростковом одиночестве, перешедшем в стадию взрослой закомплексованной, почти аутичной настороженности. Обратишься к ней, бывало, за пустяком каким, а она вздрагивает и глядит исподлобья, будто подвоха ждет. Конечно, по большому счету, тепла и любви надо

бы лить и лить на бедную Ленкину головушку полными ведрами, пока из сил не выбьешься... А где их особенно взять, сил-то этих? У нее вон еще Максимка, и Сонюшка маленькая... И потому как уж получалось с теплом, так и получалось. Сколько есть, на троих делить приходилось. А иначе как?

Поначалу, конечно, квартирный вопрос острым ребром встал. Квартира у них большая была, но, как ни крути, всего лишь трехкомнатная. Им и хватало. Гостиная, спальня, Максимкина комната... Как они радовались десять лет назад, когда съехались в эти хоромы из своих разнесчастных однушек! И поздней беременности радовались, и никаких «бывших» даже и в разговорах не упоминалось... Нет, Влад переживал, конечно, что с дочерью никакого контакта нет, но ведь сами по себе переживания — весть нематериальная, эфемерная... А тут вдруг бац — и вот они, переживания, в живом виде на пороге стоят! Племя младое, незнакомое! И куда это восемнадцатилетнее племя селить прикажете? В одну комнату с тоже восемнадцатилетним Максимом? Или в проходную гостиную, чтоб у падчерицы обиду на плохой прием взрастить? Можно, конечно, и в спальню, а самим в гостиную с Сонечкой-ной кроваткой...

В общем, прикинули так и этак и затеяли срочную квартирную перестройку. И сами не

ожидали, что с перепугу так все удачно получится — выкроили из трехкомнатной полно-метражки аж пятикомнатную! Постарались, чтобы у каждого ребенка своя отдельная комната была, пусть и маленькая. Спальня да гостиная тоже, естественно, получились крохотулечки, но получились же! А размер — дело вторичное.

Так и начали жить — впятером. Знакомиться с новым членом семьи. Привыкать. Подстраиваться. Вплетали Лену в семью, тянули за уши. Максимка, надо отдать ему должное, особое рвение проявил, с ним Лена быстро общий язык нашла. А с ней — так себе, осторожничала. Да она и не лезла к ней с нежностями, понимала, что девчонке совсем не просто. И Влада все время одергивала, чтобы он не перегибал палку, не заигрывался с отцовским виноватым подобострастием. Пусть время идет, напряжение сглаживает. Девчонка-то нервная, дерганая, потому из любой маленькой оплошности гору обиды в голове наворотит...

Наверное, не надо было ее на Новый год к матери отпускать. Судя по репликам Влада, мама у нее та еще штучка... Он аж в лице меняется, когда о бывшей жене речь заходит! Нет, ничего ужасного он о ней не рассказывал, конечно, но... Да и не стал бы он ничего рассказывать, он вообще в этом смысле мужик порядочный. Однако от хорошей матери дочь

никогда не сбежит! Вот и сейчас наверняка разругается с ней в пух и прах и опять сама не своя приедет... А с другой стороны — кто она такая, чтоб чужого ребенка к родной матери не отпускать? За ноги держать ее, что ли?

Но позвонить-то вредная девчонка могла бы, хотя бы из вежливости! Знает же, что она беспокоится! А может, ей, наоборот, очень нужно, чтобы Лиза беспокоилась, потому и не звонит... Ладно, если и впрямь так... Хочешь моего беспокойства — получи свою порцию беспокойства...

Отхлебнула чаю, решительно потянулась к лежащему на столике мобильному, кликнула Ленин номер.

— Да, теть Лиз, я уже прилетела, в такси еду! — тут же зазвучал в трубке нервный Ленин голосок. — Представляете, здесь и снега почти нет, ноль градусов! И лужи кругом! У нас снегу навалом, а у них — лужи!

Ага. Значит, все-таки «у нас». Вполне обнадеживающая оговорочка. Помнится, в первые полгода Ленка любила повторять к слушаю и не к слушаю: «А вот у нас в Киеве...» А теперь, стало быть, «у них» лужи, а «у нас» снег.

— Лен... А тебя мама встретила? — попыталась спросить легким голосом, без всяких ненужных акцентов.

— Нет, теть Лиз, не встретила... Но она по-

звонила, из парикмахерской... У нее там со временем что-то не получилось.

— Ну да, ну да...

— Нет, правда, теть Лиз! Что я, маленькая, чтоб меня встречать? Я и сама прекрасно доберусь! А у мамы сегодня куча гостей намечается, всякие интересные люди будут! Она говорила, даже какой-то ведущий с телевидения! Здорово, правда? А завтра я с друзьями созвонюсь, по городу гулять пойдем... Как тут классно, в Киеве, теть Лиз! Тепло, как весной!

— Да, Лен. Только я тебя очень прошу — ты без шапки все равно не ходи, ты после простуды! Такая погода бывает очень обманчивой!

— Да ладно... Ну все, теть Лиз, пока. Я уже к дому подъезжаю...

— Пока, Лен. Я потом еще позвоню.

— Ага...

Вот так, значит. Дочь полгода не видела, а встретить не удосужилась. В парикмахерской сидит. И голос у Ленки какой-то грустноватый, немного звинченный, хоть и звучит восторгами. Вот всегда так и бывает — сначала восторгами звучит, а потом, когда домой возвращается, обидами на мать исходит. Нет, не надо было ее отпускать!

Хотя чего теперь сожалеть — дело сделано. Да и такое уж оно, это дело, — неуправляемое в принципе. Какая бы ни была мать — она мать, и этим все сказано. И неважно, что эта мать не

проявляет восторга в связи с приездом дочери, Ленка в любом случае радостное оправдание для нее найдет. Конечно — у нее куча гостей в доме. Конечно — парикмахерская. И уж тем более — ведущий с телевидения... Как говорится, красиво жить не запретишь. Такая вот у Ленки мать-праздник. А она, выходит, мачеха-будни. Сделала предновогоднюю уборку в квартире, в сотый раз поглязела теленетленку, попела вместе с Аллой Пугачевой любимые песенки и сидит, радуется себе потихоньку...

Вздохнув, допила из чашки остывший чай, встала, еще раз прошлась по квартире. С удовольствием. Везде так хорошо, так чисто, елкой и мандаринами пахнет. Чудо как хорошо. Даже и не подумаешь, что в этой уютной прибранный квартире большая и шумная семья живет. И она здесь — хозяйка. Молодчина, Лиза, честная жена, хорошая мать, заботливая мачеха! Сумела-таки собрать приличную семью из осколков... Нет, отчего бы себя не похвалить, иногда можно! Вон даже психологи советуют — надо чаще себя хвалить, по голове гладить... Тем более в такой день, когда поневоле подводятся итоги прожитого кусочка жизни! В такой день и не думается, сколько в этот кусочек переживаний да нервотрепки вложено, хотя бы с этим ремонтом-перестройкой... А ничего, хорошо получилось! Уютненько, у каждого ребенка свой уголок...